

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОСТОЯНИИ АНТРОПОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ

---

Борис Петрик

**В** то самое время, когда Франция торжественно отмечала столетие своего самого известного антрополога Клода Леви-Стросса<sup>1</sup>, социальная антропология переживала напряженный период идейных и организационных изменений. Эти изменения одними оцениваются как масштабный кризис, другими – как интенсивное обновление. Небольшое по численности научное сообщество живо обсуждает теоретико-методологические основы своей дисциплины.

Вот уже более десяти лет во Франции и в Европе в целом идет глобальная реорганизация исследовательских и образовательных институтов в сфере общественных и гуманитарных наук. Антропология, в числе прочих, стоит перед лицом важных организационных преобразований, пытаясь одновременно преодолеть трудности, связанные с переосмыслением ее традиционных подходов.

Данная статья, задача которой – кратко охарактеризовать современное состояние дел во французской антропологии, опирается в основном на два источника. Первый из них – это заключительная часть отчета Комиссии № 38 по социальной антропологии Национального центра научных исследований<sup>2</sup> (далее – НЦНИ) за 2008 год. НЦНИ – крупнейшее исследовательское учреждение Франции. Он создан в 1937 году и может в определенной мере быть уподоблен Российской Академии наук. Специфика НЦНИ состоит в том, что он не имеет образовательных функций, хотя многие его лабора-

---

<sup>1</sup> 28 ноября 2008 г. Клод Леви-Стросс скончался 30 октября 2009 года, уже после написания этой статьи (прим. пер.)

<sup>2</sup> Centre National de Recherches Scientifiques – CNRS (прим. пер.)

тории тесно сотрудничают и даже располагаются в стенах университетов. Таким образом, в отличие от многих стран, в частности, от США и Великобритании, во Франции научные работники не обязаны преподавать. Именно в рамках НЦНИ в основном развивалась социальная антропология в период после второй мировой войны, и сегодня здесь работают более 200 антропологов. Хотя многие из них одновременно занимаются и преподавательской деятельностью, тем не менее, ученые считают чрезвычайно важным сохранить статус НЦНИ как чисто исследовательской организации. Между тем, правительство склоняется к тому, чтобы в ходе готовящегося реформирования науки и высшей школы была реализована модель, в которой исследовательская и преподавательская деятельность были бы неразрывно связаны. В состав Комиссии № 38 входят два десятка антропологов – членов НЦНИ, а также ученые, избранные профсоюзными организациями или назначенные руководством НЦНИ. В последние годы в состав комиссии включены также несколько иностранных исследователей, что должно способствовать расширению международного сотрудничества в научной сфере. К компетенции комиссии относится оценка деятельности исследовательских лабораторий и решение кадровых вопросов, в том числе вопроса о приеме социальных антропологов на работу в НЦНИ.

Вторым источником при написании этой статьи стали материалы Съезда антропологов, состоявшегося в Париже в декабре 2007 г. Это беспрецедентное по масштабу собрание объединило более 500 антропологов, работающих как в НЦНИ, так и в университетах и других исследовательских центрах, и было посвящено обсуждению научно-организационных проблем дисциплины. Съезд был организован по инициативе двух крупнейших профессиональных ассоциаций: Французской антропологической ассоциации (l'AFA) и Профессиональной ассоциации исследователей в сфере социальной антропологии (l'APRAS)<sup>3</sup> с целью создания единой профессиональной ассоциации и содействия улучшению состояния нашей научной дисциплины. Съезд произвел мощный мобилизующий эффект и был отмечен острыми дебатами о судьбах науки.

---

<sup>3</sup> AFA : association française d'anthropologie, APRAS : association professionnelle de la recherche en anthropologie sociale.

## Основной вопрос: кризис или обновление?

Прежде всего, дискуссионным оказался вопрос о том, имеет ли еще смысл широко распространенное представление о "французской антропологической школе". Это представление сформировалось и окрепло на протяжении XX века сначала в ходе дискуссий между французскими и немецкими учеными (Dumont, 2004), а позже – в результате полемики, нередко весьма острой, с британскими антропологами, отразившейся, в частности, в дебатах между А. Рэдклифф-Брауном и некоторыми из его французских коллег.

Сегодня, с учетом развития ситуации, представление о специфике национальной школы во многом не соответствует действительности. Прежде всего, можно заметить перемены даже на институциональном уровне: во многих лабораториях Франции сегодня работают ученые-иностранцы: итальянцы, немцы, испанцы, но также американцы или иракцы. Тем самым французская антропология "европеизируется" и даже "интернационализируется". С другой стороны, говоря о "французской антропологической школе" и выдвигая тем самым на первый план национальные особенности, забывают о многообразии школ и направлений внутри дисциплины.

Внутринациональные дебаты не раз потрясали французскую этнологию. Вспомним, например, дискуссии по поводу различных наименований дисциплины (этнология, этнография, культурная, социальная или физическая антропология и т.п.). Предложенное тогда К. Леви-Строссом разграничение между этнографией, этнологией и антропологией сегодня утратило свой смысл. Другой пример – споры о влиянии определенных социологических теорий, например – марксизма, на конструирование исследовательских парадигм. Все эти дебаты породили впечатление о кризисе, переживаемом антропологией. Это впечатление усиливалось радикальными социальными переменами, которые бесповоротно изменили сам ее объект.

Уже в 1961 году К. Леви-Стросс на страницах журнала ЮНЕСКО<sup>4</sup> рассуждал о "современном кризисе в антропологии". В то время его озабоченность вызывало исчезновение "первобытных народов" как объекта изучения. Сегодня ощущение кризиса вызывается другими опасениями, поскольку представление об антропологии как о науке, чье предназначение состоит в создании каталога культурных

---

<sup>4</sup> Lévi-Strauss : " La crise moderne de l'anthropologie ", *Le Courrier*, Paris, Unesco, n°11, novembre 1961, pp. 12-17.

различий, в срочном сохранении исчезающих неизвестных или малоизвестных культур, давно устарело. Дело не столько в том, что эта инвентаризация, оперирующая терминами экзотизма и этничности, уже практически завершена, сколько в том, что антропологи по многим причинам перестали видеть в этом объект своей науки. Нет смысла в энциклопедических описаниях локальных вариантов, поскольку человеческие общества находятся в процессе постоянного обновления и развития.

Сегодня на повестке дня стоят два острых вопроса: что представляет собой объект антропологического исследования и кто считает себя антропологом. Даниэль Фабр, президент Комиссии № 38, попытался в своем отчете определить характерные особенности антропологии и признал, что провести четкую границу со смежными дисциплинами нелегко. По его мнению, этот факт является абсолютно нормальным и даже необходимым, поскольку наука – это по определению такая форма познания, которая не имеет границ и пределов. Он счел необходимым подчеркнуть, что, принимая во внимание разнообразие ведущихся ныне исследований, "кризис свидетельствует не об упадке, а об обновлении дисциплины".

## **От поля – к тексту и идеям**

Речь идет о так называемом "текстуальном повороте", состоящем в том, что сбор полевых материалов более не рассматривается как конструирование объективных фактов. По сравнению с учеными других дисциплин антропологи настаивают на особой важности полевых исследований в их работе. Хотя и правда, что "поле" не является больше исключительным уделом антропологов, верно и то, что их способ работы в поле отличается от того, который практикуют социологи или психологи. Специфика антропологического поля состоит в непосредственном наблюдении, в близком и длительном знакомстве с изучаемой ограниченной группой, что требует знания языка и, отчасти, восприятия образа жизни этой группы. Такой подход – не анахронизм, напротив, можно утверждать, что именно метод длительного изучения делает антропологию незаменимой. Записать несколько интервью или провести анкетирование среди того или иного населения – это совсем не то, что антропологи понимают под "полевым исследованием". Тем не менее, само понятие "поля" вполне закономерно подвергается критическому переосмыслению, в частности, в связи с переносом исследовательского интереса на ближнее

окружение и с отказом от поисков экзотизма. Изменяются и способы сбора полевого материала, налицо отход от монографических описаний. Развитие полевых исследований, ведущихся одним исследователем у разных групп населения, в том числе внутри современных обществ, свидетельствуют об избирательности в выборе "поля".

Что касается идей, то следует отметить, что ни одна новая теоретическая парадигма не смогла занять столь же заметное место во французской антропологии, как в свое время марксизм и структурализм, игравшие роль своего рода матрицы. Напротив, наблюдается все возрастающее многообразие теоретических подходов, которое, однако, не ведет к размыванию антропологии как науки.

В современной полемике о будущем дисциплины одни призывают двигаться в направлении "социо-антропологии" и не разграничивать впредь качественную социологию и социальную антропологию. Другие, кому ближе микро-исторический подход, говорят о необходимости слияния антропологии и истории. Выбор тематики исследований, так же как пересмотр их пространственных и временных рамок, показали, что смысл антропологического метода состоит в изучении того, что возникает на наших глазах, и что культура – это не только то, чему грозит исчезновение. Главным объектом антропологии является социальная связь, а не культура как устойчивая и завершенная целостность.

Необходимость постоянно переопределять и переосмысливать свой объект – одна из важнейших составляющих работы исследователя. Если в России в центре внимания дисциплины находились и находятся в первую очередь понятия народ и этнос, то во Франции основанными ее объектами являются культура и общество.

Определение культуры является предметом нескончаемых дискуссий, что не отменяет того факта, что объектом исследования антропологии является человеческая деятельность во всем ее многообразии и всеобщности. Понятие культуры, как и этнического, не основывается более не субстанциалистской концепции. Культура – это не перечень объективно наблюдаемых, постоянных отдельных черт, которые устанавливает эксперт-антрополог. Постигание культуры неизбежно осуществляется сквозь призму социальных отношений, что заставляет некоторых уделять особое внимание понятиям "метисации", "гибридизации". Речь идет об изучении ситуаций и взаимодействий, а не культуры самой по себе. Такая задача вновь помещает во главу угла понятия обмена, взаимодействия и проблему социаль-

ных связей – основополагающий концепт французской антропологии со времен М. Мосса.

Такое развитие дисциплины ставит под сомнение плодотворность традиционного деления на "культурные зоны" и влечет за собой необходимость обращать более пристальное внимание на транснациональные взаимосвязи. Не отрицая классических для антропологии идей о "совместном существовании" и "коллективном габитусе", оно лишний раз заставляет задуматься над тем, что социальные и культурные явления имеют свою историю, что позволяет, вслед за Э. Хобсбаумом, говорить об изобретении культур.

Сегодня никто не спорит с тем, что общества историчны по своей природе, и что человеческая натура – также продукт истории. Тем не менее, антропология отличается от истории, так же, как она не сводится к феноменологии события. Это ставит перед нами вопрос об "инвариантах", которые мы могли бы вычленивать или устанавливать в изучаемых нами обществах.

Это, несомненно, один из наиболее обсуждаемых вопросов, в частности, в связи с возникновением все более широко распространяющегося когнитивного направления, и одновременно вопрос, внушающий нам наибольшее недоверие. По мнению антропологов, социальный дух, или, как его обыкновенно называют, менталитет является продуктом социальных институтов, а это значит, что его истоки следует искать вне человека. Когнитивизм же ищет их внутри человека, точнее – в его мозговой деятельности.

## **Общее и особенное в человеке**

Следует напомнить, с другой стороны, что антропология руководствуется принципом универсализма. Существует множество разных форм религиозных верований (как моно-, так и политеистических), но вера как таковая является универсальным феноменом, свойственным человеку в отличие от животного. Различные общества характеризуются различными режимами власти (монархии, империи, кланово-племенные системы, демократии и т. п.), но наличие источника законности, группы, обладающей властью, иерархический принцип присутствуют в любом из человеческих обществ. Поэтому социальная антропология неизбежно имеет сравнительное измерение.

Многообразие теоретических конструкций и методов не подвергают сомнению этот универсалистский и сравнительный подход. Наблюдаемое сегодня стремление сгруппировать локальные исследова-

тельские проекты не по проблемному принципу, а по "культурным зонам" может стать роковой ошибкой для развития дисциплины.

Антропология может сказать свое слово в эпоху триумфа представлений о глобализации и униформизме. Антропологи, в отличие от экономистов или политологов, уверены в том, что понять современные общества, не принимая во внимание тесное переплетение и взаимосвязь экономического, политического и социального, невозможно. А характерная для нашей науки позиция смещения центра предостерегает против этноцентризма при изучении человеческого многообразия.

Новые направления исследований позволяют надеяться на расширение сферы антропологического знания. Можно упомянуть, в частности, работы в области медицинской антропологии. Эти исследования на стыке политологии и здравоохранения помогают по-новому взглянуть на некоторые социальные явления. Необходимо развивать также антропологическое изучение системы образования, информационных технологий (анализ зрительных образов), новых форм религиозности, экологических проблем.

Вызывает сожаление явно недостаточное внимание антропологов к процессам, происходящим на периферии крупных городов, в мире финансов, бизнеса и предпринимательства (в частности, в ситуации финансового кризиса), в вооруженных силах. Антропология была и остается дисциплиной, помогающей человеку лучше понять самого себя, а также свое место в природном и социальном окружении.

### Антропология во Франции: взгляд со стороны

На упоминавшемся уже съезде антропологов слово было предоставлено американскому ученому Джону Боуэну, тонкому знатоку французской антропологии и французского общества в целом, чтобы он представил собравшимся свой взгляд на ситуацию. Оценивая ее в общем довольно оптимистически, Джон Боуэн, тем не менее, отметил некоторые удивляющие его обстоятельства. Прежде всего, его поразило отсутствие интереса антропологов к актуальным проблемам современного французского общества, таким как неблагополучные пригороды, интеграция иммигрантов, дискриминация, распространение ислама, растущее влияние европейских структур. Он выразил сожаление, что эти проблемы фактически отданы на откуп социологам. В то же время, его удивление вызвал и тот факт, что немало недавних и очень интересных работ, посвященных самым разнообразным сюжетам

и обществам, которые он открыл для себя, путешествуя по Франции, остаются мало или вовсе не известными за ее пределами из-за отсутствия продуманной политики в сфере перевода на иностранные языки.

Наконец, еще одним поводом к удивлению послужило американскому ученому знакомство с парижскими книжными магазинами, где на полках с указателем "антропология" можно обнаружить все что угодно (например, книги Карлоса Кастанеды), кроме трудов антропологов. Тем временем большинство антропологических работ разбросано по другим рубрикам, в основном тематическим. Джон Боуэн предложил своим французским коллегам задуматься о том, что означает такая беспорядочная расстановка (по его мнению, свидетельствующая об отсутствии у французских антропологов чувства цеховой общности).

## Производство и распространение антропологического знания

### *Научные центры*

Сами французские антропологи обеспокоены в первую очередь грядущей реформой организации науки и высшей школы, и особенно – судьбой Национального центра научных исследований<sup>5</sup>. Именно НЦНИ может быть в наибольшей мере затронут структурными преобразованиями, состоящими, с одной стороны, в сокращении исследовательской деятельности, а с другой – в более активном вовлечении научных сотрудников в преподавание. В то же время, пока неясно, как именно это будет реализовано. Очевидно, численность постоянных сотрудников будет сокращаться, взамен же будет расти доля антропологов, работающих по временным контрактам.

В сфере фундаментальных исследований антропологи развивают сотрудничество с медицинскими и даже инженерными лабораториями, не входящими в состав НЦНИ и ориентированными на междисциплинарные подходы.

Еще одна организация играет важную роль в деятельности антропологов, в частности – африканистов. Институт исследования заморских территорий (L'ORSTOM), созданный в 1937 году и преобра-

---

<sup>5</sup> Сегодня в НЦНИ работают 210 антропологов. С учетом скорости выхода на пенсию ныне действующих и приема на работу новых сотрудников (в среднем ежегодно НЦНИ принимает 5 антропологов), к 2020 году их останется не более 130.



зованный в 1988 году в Институт по развитию и сотрудничеству (I'IRD), является наследием "прогрессистской" концепции мира. Под его эгидой объединены антропологи, агрономы, инженеры, работающие в африканских, азиатских и латиноамериканских странах в области программ развития местных обществ. Это изменение названия и направлений исследования отражает новую конфигурацию отношений с мировым "Югом" в постколониальном контексте.

В числе организационных преобразований следует упомянуть и создание фонда поддержки научных исследований, вызывающее неоднозначное отношение. Национальное агентство по научным исследованиям (ANR) выделяет гранты на срок от одного до пяти лет. Некоторые считают это нововведение рискованным как с точки зрения возрастающей неопределенности статуса научного работника, так и с точки зрения возможности слишком сильной "политической" ориентации исследований в ущерб фундаментальной науке, для развития которой необходимы иногда и тупиковые направления, далекие от немедленной политической целесообразности...

### *Университеты*

Преподавание антропологии во Франции развито существенно меньше по сравнению, например, с социологией или по сравнению с тем местом, которое она занимает в американских университетах. Сегодня в стране насчитывается всего 150 преподавателей антропологии (профессоров и доцентов) против 600 преподавателей социологии. Это неравенство лишь усилилось с введением общеевропейского образовательного стандарта<sup>6</sup>. Периферийное положение антропологии в сфере высшего образования отчасти объясняется, возможно, нашей неспособностью защитить свою дисциплину как необходимую для современного человечества форму познания.

Организационная слабость проявляется и в наличии, до самого последнего времени, трех антропологических ассоциаций. Приходится признать, что сегодня у французских антропологов нет авторитетной ассоциации или харизматических фигур<sup>7</sup>, которые могли бы

---

<sup>6</sup> Так называемый закон LMD (лицензия, магистратура, докторат), направленный на унификацию европейских дипломов, не жалует "мелкие" дисциплины вроде антропологии.

<sup>7</sup> Известно, какую роль сыграл в свое время Э. Дюркгейм во внедрении социологического образования.

взять на себя эту роль защитников интересов профессионального сообщества, лоббистов перед министерством образования, чтобы, с одной стороны, создать для антропологов новые рабочие места, а с другой – ввести преподавание антропологии не только в университетах, но и в других учебных заведениях, например, в высших коммерческих школах.

При всем том, как ни парадоксально, в обществе существует выраженный социальный заказ "на антропологию". Некоторые участники Съезда антропологов настаивали на важности "причастности" исследователя и на необходимости уделять больше внимания насущным проблемам французского общества. Это требует, помимо прочего, пересмотреть содержание антропологического образования, чтобы обеспечить выпускникам возможность применения своих знаний в иных сферах, кроме традиционных научной и преподавательской деятельности. Многие студенты, докторанты, молодые ученые не на шутку обеспокоены массовой безработицей, охватившей профессию, и призывают к поиску новых форм практического приложения дисциплины, до сих пор остающейся слишком ограниченной традиционными организационными рамками.

Можно только сожалеть, что преподаванию антропологии не нашлось места в Высшей школе политических наук (SciencesPo), в Государственном институте управления (l'ENA), а также в лицеях. В то время как Министерство образования обсуждает идею введения преподавания основ религии молодежи, антропологам следовало бы принять участие в общественной дискуссии по этому важному вопросу и объяснить политикам, какую опасность представляет сведение подобного преподавания к изучению мировых монотеистических религий и истории противостояния между ними. Правильнее было бы преподавать антропологию верований, к чему антропологи подготовлены лучше, чем кто-либо другой.

## *Музеи*

Музеи всегда играли важную роль в развитии антропологии во Франции. Недавние изменения в сфере музейной деятельности были вызваны политическими решениями в ответ на утрату интереса публики к этнологическим музеям. Бывший президент Жак Ширак стоял у истоков Музея на набережной Бранли, создание которого вызвало оживленную дискуссию, нашедшую отражение, в частности, в простом выборе имени для нового музея. Можно ли продолжать ис-

пользовать, как это предполагалось поначалу, понятие "примитивное искусство" для описания его коллекций? Не лучше ли говорить об искусстве "раннем", или "первоначальном", дабы избежать пренебрежительных коннотаций? Или же и этот термин маскирует новую, не менее сомнительную форму различия? В конце концов, было принято компромиссное решение назвать музей по его географическому положению.

Дискуссию вызвало и содержание нового музея, организация его коллекций. Высказывались опасения, что экспозиция будет целиком подчинена эстетической стороне демонстрируемых объектов, в то время как их социальный смысл в тех обществах, где они были созданы, останется в тени. В итоге так и произошло: объяснительные материалы относительно социальной функции, исторического контекста создания объекта, его использования явно отодвинуты на второй план. Этот конфликт вокруг "прекрасного" и заключенного в нем смысла вылился в отставку М. Годелье, не согласившегося освятить своим авторитетом "эстетизирующую" ориентацию музея, с поста его первого научного директора. Вызвала критику антропологов и своеобразная разбивка коллекций музея на географические зоны: в нем есть залы Африки, Азии, Океании и Америки, но нет зала Европы.

В то же время было принято решение о закрытии Музея народных традиций и искусств (АТР) в Париже, предназначенного изначально для показа коллекций материальной культуры европейских обществ, и о создании нового Музея европейских и средиземноморских цивилизаций (MUSEM) в Марселе<sup>8</sup>. Это было политическое решение, направленное на децентрализацию культуры, и оно тоже вызвало целую серию дискуссий как относительно временных и пространственных границ Европы, так и о содержании экспозиции будущего музея и необходимом для привлечения публики обновлении музеографии. Таким образом, эти два музея ставят перед антропологами непростую задачу: заинтересовать современного посетителя, не забывая в то же время о том, что задача нашей дисциплины уже давно не сводится к простой музеификации человеческой деятельности.

### *Журналы и публикации*

Многие журналы гуманитарного профиля сегодня переживают не лучшие времена в связи с сокращением числа читателей. Если рань-

---

<sup>8</sup> Открытие музея запланировано на 2011 год.

ше журнал "l'Homme" ("Человек") был трибуной для интеллектуальных споров, выходящих за рамки дисциплинарных и государственных границ, то сегодня, похоже, это уже не так. Периодические издания "Terrain" ("Полевые исследования"), "Ethnologie française" ("Французская этнология") и "Gradhiva" (Журнал антропологии и истории искусств, издаваемый Музеем на набережной Бранли), как и "Journal des anthropologues" ("Журнал антропологов") пытаются удержаться на плаву, несмотря на сокращение числа подписчиков. Определенный успех сопутствовал появлению Интернет-издания "Ethnographie.org", однако все чаще антропологи публикуют свои статьи в журналах, принадлежащих другим дисциплинам, либо в междисциплинарных изданиях, либо, наконец, в журналах "своих" культурных зон. Что касается книг, то существует немало издателей, которые могут заинтересоваться произведениями антропологов, но нет ни одного, который сумел бы создать заметную серию антропологических работ.

В определенном смысле выходом из этой застойной ситуации могло бы стать привлечение авторов из-за рубежа, но не менее важно позаботиться и о публикации работ французских антропологов за рубежом, на английском, русском, испанском, арабском, китайском языках. Недавний успех некоторых книг по антропологии свидетельствует о сохраняющемся читательском интересе к нашей науке. Следует поэтому задуматься о стиле письма, имея в виду ту публику, к которой мы намерены адресоваться. Это может дать второе дыхание нашей дисциплине, в контексте общего стремления лучше понять наш глобализующийся мир.

\* \* \*

Каждая из поднятых здесь проблем заслуживает подробного рассмотрения, мы же постарались лишь обозначить их в общих чертах, будучи уверенными в том, что подобные беспокойства, сомнения и надежды знакомы и нашим российским коллегам.

Сегодня французские антропологи работают во всех культурных зонах и над самыми разными темами. В то же время, еще сохраняется, к сожалению, привычка самих антропологов различать "настоящую" и "ненастоящую" антропологию и относиться с пренебрежением к тем из своих собратьев, которые занимаются "ненастоящей" антропологией. Установление подобной субординации, споры по пустякам существенно ослабляют позиции антропологии во взаимодей-

ствии с другими дисциплинами, поскольку, как известно, междисциплинарные границы являются объектом постоянных дискуссий. Такая ситуация чревата организационными издержками и самоубийственной в интеллектуальном отношении.

Никто не спорит с тем, что антропологии принадлежит ведущая роль в изучении Другого как в нашем собственном обществе, так и повсюду в мире. Но недостаточно только утверждать это, нужно еще научиться подтверждать, повышая ценность наших работ. Так же, как нужно научиться выстраивать отношения между наукой, обществом и властью, сохраняя определенную дистанцию с последней. Этому, возможно, может способствовать диверсификация источников финансирования научных исследований.

Наконец, в том, что касается организации преподавания, определенные надежды связаны с общеевропейским пространством. Французской антропологии необходимо решительнее выходить на европейский уровень, нужна совместная инициатива с нашими коллегами из Германии и Великобритании (где тоже существует длительная традиция антропологических исследований) по созданию европейского антропологического института, по образу и подобию европейского института политических наук во Флоренции.

Можно высказать и более общее пожелание: чтобы французская, как, впрочем, и российская антропология перестала рассматривать себя как "национальная" наука и стремилась к расширению контактов на мировом уровне и к формированию сообщества исследователей, ориентированных на преодоление различий, обусловленных национальным контекстом. Начать же можно с того, чтобы помочь развитию исследований российских антропологов во Франции, ожидая, в свою очередь, поддержки ими наших исследований в России, а также договориться о совместной работе над темами, представляющими обоюдный интерес.

## Библиография

- ABÉLÈS M. *Anthropologie de la globalisation*, Paris, Gallimard, 2008.
- AUGÉ M. *Pour une anthropologie des mondes contemporains*, Paris, Aubier, 1994.
- AMSELLE J. L., *L'occident décroché : enquêtes sur les post-colonialismes*, Paris, Stock.
- ASSAYAG J. *La mondialisation vue d'ailleurs : l'Inde désorientée*, Paris, le Seuil, 2005.
- ATLANI L. " *Au bonheur des Autres : anthropologie de l'aide Humanitaire* ", Paris, Armand Colin, 2009
- BENSA A. " *La fin de l'exotisme : essais d'anthropologie critique* ", Anacharsis, 2007.
- BROMBERGER C., " L'ethnologie de la France, du Front populaire à la Libération : entre continuités et ruptures ". In *L'ethnologie de la France du Front populaire à la Libération* (M. Colardelle, éd.), Paris, Editions de la Maison des sciences de l'homme, à paraître.
- CUCHE D., *La notion de culture dans les sciences sociales*, Paris, La Découverte, 2004.
- DESCOLA P. *Par delà nature et culture*, Paris, Gallimard, 2005.
- DOUSSET L., " The 'Global' versus the 'Local': Cognitive processes of kin determination in Aboriginal Australia ", *Oceania*, 78(3): 260-279.
- DOZON J. P. *L'Afrique à Dieu et à Diable. Etats, ethnies et religions*, Paris, Ellypses, 2008.
- GODELIER M., *Métamorphoses de la parenté*, Paris, Fayard, 2004.